

Лариса
ПЕТРОВИЧЕВА

Самый вкусный
ПИРОГ В МИРЕ

Лариса Петровичева

Самый вкусный пирог в мире

«Автор»

2023

Петровичева Л.

Самый вкусный пирог в мире / Л. Петровичева — «Автор», 2023

Виктор Фаренти - кулинарный критик. Одна его статья способна погубить ресторатора или вознести на вершину славы. Глория Фьярвисдоттир - хозяйка погребка "У трех кошек", где подают лучший в столице грушевый пирог с лимоном и орехами. Все, что нужно Виктору от Глории, это рецепт пирога для новой кулинарной книги. Или... ему все-таки захочется других блюд и чувств? В тексте есть: #бытовое фэнтези #много вкусных рецептов #приключения, любовь и легкий юмор

© Петровичева Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лариса Петровичева

Самый вкусный пирог в мире

Глава 1

Виктор

Мой самый любимый момент – когда десертная вилка мягко входит в пирог.

Удовольствие.

Предвкушение.

Желание чего-то нового.

Этот пирог был с грушей, лимонной цедрой и орехами – я не очень люблю сладкие пироги, но сегодня мне вдруг захотелось попробовать чего-то нового. Погребок на Малой Морской подмигнул мне золотым фонариком, и я подумал, что давно не заходил в такие вот погребки.

Когда ты ресторанный критик, то будешь обедать и ужинать там, где подают еду на чиньском фарфоре, а за соседними столиками сидят банкиры, артефакторы и дворяне. Когда ты самый знаменитый ресторанный критик королевства, то тебе предложат самое лучшее.

Но когда ты помнишь, что поднялся из низов, тебе обязательно захочется иногда посещать погребки и кабаčky, забегаловки и таверны – чтобы не забывать того пути, который остался у тебя за спиной.

Этот погребок под названием «У трех кошек» открылся совсем недавно: я проходил по Малой Морской месяц назад, и на этом месте была просто заколоченная дверь. Но, спустившись по лестнице, я обнаружил вполне приличное и даже милое заведение. Изящные деревянные столики, светлая обивка стен, морские пейзажи на этих стенах – все говорило о том, что в погребеке заправляет женщина. Официантка протянула мне книжку меню, но я устало откинулся на витую спинку стула и коротко попросил:

- Принесите кофе и пирог.
- Сладкий? Мясной? С курицей и овощами?
- Любой, мне все равно. Какой чаще берут.

Девушка кивнула и ушла за стойку. В ожидании заказа я рассматривал посетителей: здесь в основном были незамужние барышни и семейные пары. Заведение претендовало на то, чтобы стать приличным. Возможно, одним из лучших в этом районе.

Что ж, посмотрим, что они могут для этого предложить.

Я как всегда попробовал расслабиться. Сказал себе: я не лучший кулинарный критик королевства, чьи статьи возвышают и разоряют заведения. Я просто зашел поесть и отдохнуть. Это отключило мою внутреннюю тревогу. Официантка пришла с подносом ровно через три минуты. Хорошо. Не заставляют гостей ждать.

– Кофе. Пирог, – улыбнулась она. – Что-то еще?

– Нет, – я подумал, что хорошо, что ни один из поваров, официантов, хозяев кафе и ресторанов не знает меня в лицо. Это лицо могли бы набить – или старались бы показаться лучше, чем есть.

А мне нужна правда о еде. Только правда. Всегда.

Я вонзил вилку в золотистое тело пирога, истекавшее грушевым соком. Мной вдруг овладело предвкушение чего-то очень хорошего. Важного. Настоящего.

Пирог был вкусным. Впрочем, нет, это слишком блеклое слово. Пирог был тем, что заставило меня на мгновение увидеть мир по-новому. Наступила осень, впереди маячили дожди и тоска, но вкус этого пирога обещал, что будет лето, обязательно – надо просто немного подождать. Я ел, разбирая чудо на составные части: вьеннская мука, груши сорта Бер-вер, орехи –

самые обычные, в любой лавке такие купишь. И в нем было что-то еще, неуловимое, постоянно убегающее – но именно в нем и были и смысл, и суть.

У меня шевельнулись волосы на голове.

Я не заметил, как тарелка опустела. Сделал глоток кофе – мне надо было успокоиться. Кофе тоже оказался необычным, его сварили с солью, и она обогатила и прояснила его вкус. Официантка поймала мой взгляд, подошла и спросила:

– Что-то еще?

– Еще порцию пирога, – попросил я. Второй кусок я ел уже спокойнее, это было, словно встреча со старым другом. Вьеннская мука, груши сорта Бер-вер, орехи – и то, что я со всем своим опытом и знаниями никак не мог распознать.

Я лучший кулинарный критик королевства. Я могу с одного-единственного кусочка понять все, что входит в блюдо. Но этот пирог был загадкой – сладкой загадкой с грушей и лимоном.

Я просто обязан был узнать рецепт – узнать и включить его в свою очередную книгу. Виктор Фаренти, «кулинарный критик в маске», готовил новый том «Академии кухни» – все предыдущие книги стали хитами, были неоднократно переизданы, а на гонорары от них я мог бы не работать ближайшую пару сотен лет и не испытывать неудобства.

И этот пирог будет в девятом томе «Академии». Пойман, пленен, разложен на составляющие.

– Могу я побеседовать с поваром? – поинтересовался я, подзвав официантку. Она кивнула, скользнула за стойку, и я услышала далекое: «Госпожа Глория! Там гость хочет с вами поговорить!»

Значит, Глория. Эльфийка, если судить по имени. Да, у эльфов много оригинальных рецептов – вроде бы очень просто, но ты ешь, не помня себя.

Вскоре повариха вышла – и оказалась еще одной загадкой. Да, чистокровная эльфийка с длинными золотыми волосами и нежным светлокочим лицом – совсем еще юная. Но вот косицы в этих голосах были заплетены по-гноми, и тяжелые сверкающие бляшки на них тоже были гномьими. А вот красный кожаный шнурок на правом запястье был орочьим, только они такие носят. Дитя трех свободных народов? Разве так бывает?

– Здравствуйте, – Глория улыбнулась, но глаза остались спокойными и серьезными. – Вы хотели поговорить со мной?

Я поднялся, улыбнулся, стараясь быть максимально обаятельным, и ответил:

– Да, хотел. Ваш пирог просто чудо... вас зовут Глория, верно?

– Глория Фьярвисдоттир, – с достоинством представилась прекрасная повариха, и в ее голосе скользнули далекие ледяные нотки, которые намекали, что я не должен пересекать определенных границ. Фьярвисдоттир? Не может быть, чтобы ее отец был гномом! Ни одна эльфийка не допустит такого.

– Я Виктор Шмидт, – назвал я свое настоящее имя и дальше тоже почти не соврал. – Спортивный журналист, оказался тут неподалеку и... Глория, ваш пирог это что-то непередаваемое. Я в восторге, правда. Давно вы здесь работаете?

– Открыла «Кошек» месяц назад, – сдержанно ответила Глория. Она держалась так, что это невольно раздражало меня. С ней хотелось говорить. С ней хотелось быть рядом.

– Теперь я ваш постоянный клиент, – сообщил я и, вынув из кармана полновесную золотую крону, протянул ей. – Мои чаевые. И знак глубочайшего уважения.

Губы Глории дрогнули в едва заметной улыбке, но в глазах заплескались хрусткие льдинки. Нет, не может быть, чтобы она что-то заподозрила!

– Это слишком большие деньги за две порции пирога. Что вам нужно, Виктор?

– Ничего, – я почувствовал некоторую растерянность. Ни один повар никогда не отказывался от полновесной золотой кроны. – Мне очень понравился пирог, Глория... не подумайте плохого, я не хотел вас обидеть...

– Расплатитесь по счету, – посоветовала она. – Благодарю вас за добрые слова, буду рада увидеть снова.

И скользнула на кухню светлым призраком в белой поварской одежде.

Я удивленно уставился ей вслед.

Глория

Хороший домовый – первое дело на кухне, а у меня их было целых три. Когда я с грохотом и треском провалилась на выпускном экзамене, то родители приехали ко мне вместе с ними, словно поняли, что я планирую делать дальше.

– Попробуешь пересдать? – спросил отец. Он всегда болел за меня душой, я была старшей и, теперь точно знаю, самой любимой из его детей. – Они не посмеют тебе отказать, ты все эти годы была лучшей!

– Мне выдадут диплом, – едва слышно сказала я. Втроем мы сидели в крошечной гостиной моей съемной квартирki, за окнами была весна и летали стрижи, а я была маленькой и никчемной. – Mam, пап... меня подставили. Просто не хотели давать потом должность на кафедре, ну и...

Я мечтала об академической магии – и, как выяснилось, не только я.

– Возвращайся, дочка, – мама обняла меня, и в ее руках, пахнущих корицей и медом, я снова почувствовала себя ребенком. – Келлеман, конечно, не столица, но там всегда нужны хорошие люди. К тому же, дипломированные маги.

Я отказалась. Кажется, именно тогда я все и решила. Родители поддержали мое решение, отец дал достаточно денег, чтобы погребок начал работу по осени, и трое домовых оказались намного важнее денег.

С ними все было легко. Пушистые серые шары, похожие на котов, которые бегают на задних лапах – домовые умели делать все. Они были моими руками и глазами на кухне, и именно с их подачи я и стала готовить грушевый пирог.

Диплом мне все-таки вручили. Снисходительно, вместе с остальными выпускниками моей группы. Да, Глория Фьярвисдоттир завалила выпускной экзамен в королевской академии магии и артефакторики, но до этого она училась хорошо, и мы не можем просто дать ей пинка под зад потому, что обещанное ей место на кафедре понадобилось одному из родственников ректора.

Книжка диплома оказалась неожиданно тяжелой. Открыв ее, я увидела полновесную золотую крону, и меня стало знобить – затрясло, как в лихорадке. Наверно, ее положил лично ректор: оплатил мои переживания и предложил больше не соваться в магию.

И сегодня, увидев такую же крону в руках гостя, я вновь почувствовала озноб.

– Все в порядке, добрая госпожа Глория? – спросил старший домовый. Они уже убрали кухню и все подготовили к завтрашнему дню. Погребок закрывался: через четверть часа я переоденусь, выйду в осенний темный вечер и неспешно пойду в свою квартирку, глотая посвежевший после дождя городской воздух и думая о том, что наконец-то оказалась на своем месте. Я любила магию и любила готовить – и не моя вина, что с магией все закончилось плохо.

– Да, все хорошо, – кивнула я. – Мы справляемся, правда?

– Конечно! Конечно, госпожа Глория! – хором пропели домовые. – Да вы и сами видите, что свободных мест нет!

Я видела. Малая Морская была тихим и спокойным столичным районом – не центр и не окраина, живут в основном семейные люди с хорошим достатком, так что мой погребок очень

удачно вписался в их жизнь. В основном, я предлагала авторские сладости – но были и два вида супов, и закуски, и сытное второе блюдо, и к концу дня все расходилось подчистую.

Мы справлялись. Родители могли бы гордиться мной. Если так пойдет и дальше, то к новому году я уже смогу купить квартиру, а не снимать ее.

Выйдя из погребка и заперев дверь на замок и заклинание, я поднялась по ступенькам и вдруг увидела на углу темную мужскую фигуру, которая показалась мне смутно знакомой. Мужчина помахал мне, подошел, и я узнала Виктора.

Что же, он два часа тут проторчал?

– Что вы здесь делаете? – спросила я. Виктор улыбнулся, и я невольно заметила, что он обаятелен. Каштановые кудрявые волосы, темные веселые глаза, лицо человека, который постоянно думает, как бы никого не задеть и не обидеть – я не чувствовала в Викторе цепкой журналистской хватки.

– Глория, вы только поймите меня правильно. Пожалуйста! – попросил он. – Мне показалось, что я вас чем-то обидел, и мне от этого очень неуютно. А когда мне неуютно, то я хочу искупить свою вину. Мне правда очень понравился ваш пирог. Я никогда такого вкусного не ел.

Мне сделалось неудобно. Вот, человеку в самом деле пришлось по душе моя стряпня, а я отказалась от чаевых, и это выглядело довольно резко. А повару надо быть любезным и милым, чтобы гости возвращались снова и снова и приводили знакомых и родных.

– Вы ни в чем не виноваты, Виктор, это мои внутренние проблемы, – ответила я и пошла в сторону остановки. Маршрутный омнибус будет через четверть часа, я доберусь до дома и лягу спать. Виктор улыбнулся, и я вдруг подумала, что мне приятна его компания.

В конце концов, когда я вот так гуляла с молодым человеком? На третьем курсе, кажется.

– А их можно решить?

– Уверена. Я работаю над этим, – ответила я. Мы подошли к остановке, встали под навес – приутихший было дождь снова принялся накрапывать – и Виктор спросил:

– А ваши косы – это ведь гномье плетение?

Я улыбнулась: все новые знакомые спрашивали о том, почему это эльфийка заплетает косы по-гномьи.

– Верно. Мой отец гном. Я заплетаю косы из уважения к нему.

На лице Виктора отразилось искреннее удивление – как и у всех, кто узнавал историю моей семьи. Да, моя мама вышла замуж за гнома, да, он мой отчим, но сделал для меня столько, что я давно зову его отцом.

– А ваш шнурок? Орочий? – поинтересовался Виктор и тотчас же смущенно добавил: – Простите, если я много спрашиваю, просто вы... не такая, как все. И ваши пироги не как у всех.

– Да, это орочий шнурок, – ответила я. – Друзья детства завязали на память, когда я уезжала в столицу на учебу. А ваша подвеска? Вы не похожи на того, у кого эльфы в родне.

Виктор дотронулся до серебряной бляшки с руной Харавви – знак защиты рода – и признался:

– Я полукровка. Мой отец эльф, мать человек. Ношу, чтобы не забывать, где оказался по отцовской милости и как оттуда выбрался.

– Смотрю, у вас тоже интересная семейная история, – сказала я и услышала:

– Ого! Рыбки! Да с золотой икрой!

Виктор

Героем быть очень легко, если ты знаешь, кому и сколько заплатить за проявленный героизм.

Только дураки идут в лобовую атаку, чтобы узнать нужное – я решил действовать поумнее. Пока Глория заканчивала рабочий день, я отыскал в соседнем районе троицу выпивох,

которые расположились на лавочке в парке и оказались не прочь подзаработать, а увидев в моих пальцах серебряную полукрону, чуть ли не отцом родным назвали.

– Рыбки! Да с золотой икрой!

Они вышли из темноты так, что я невольно подумал: мои новые знакомые не в первый раз зарабатывают на выпивку, обчищая карманы сограждан. Надо держать ухо востро. Они могут не удовлетвориться серебряной полукроной – если человек готов столько заплатить, значит, у него есть еще много, и это многое можно забрать себе.

Ну да не на того напали. Я всегда был готов к таким поворотам.

– Ты, цыпа, гони сумочку да поживее, – первый выпивоха, огненно-рыжий, шагнул к Глории, небрежно поигрывая ножом-выкидухой. – И не рыпайся, а то личико украшу. А ты, дрыщ, стой, где стоишь. И карманы выворачивай.

Разумеется, я не собирался спокойно стоять и смотреть, как нас грабят. У меня был тот опыт уличной жизни, при котором тело срабатывает само. Я плавно скользнул вперед и вправо, закрывая собой Глорию от рыжего. Его приятели двинулись в нашу сторону и второй, толстый и лысеющий, жажнул меня кулаком по скуле.

Хорошо врезал, с силой – я сразу предупредил, что все должно выглядеть натурально. Уклонившись от его второго удара, я треснул рыжего по руке с ножом и тут же встретил вторым кулаком его подбородок, но...

– Виктор! В сторону!

Я не сразу понял, что это была магия. Улицу озарила золотистая вспышка света, и я увидел подъезжающий к остановке омнибус и водителя с распахнутым от удивления ртом. Рыжего отшвырнуло в сторону, прокатило по дороге почти под колесами и сбросило на ступеньки дома через улицу. Второй нападавший взлетел в воздух, смешно дергая ногами, и отправился в компанию рыжего. Третий испуганно запахал руками и задал стрекача. За такое ему не платили.

Омнибус затормозил, раскрывая двери. Глория схватила меня за рукав и затащила в салон; я услышал забористую брань незадачливых актеров, и омнибус поехал дальше под ворчание водителя:

– Вы, барышня, если магию магичите, то подальше от домов, не пугайте порядочных людей! А если бы я затормозить не успел? Того с ножом на лоскутки распустило бы под колесами! Вот что бы мы тогда все делали?

– Живы? – спросила Глория, устало опустившись на сиденье. Я сел рядом, жалея о том, что выпивохи не дали мне по носу второй раз, как мы с ними договаривались.

– Жив. А вы?

– Все хорошо. Просто испугалась, – отрывисто ответила Глория, сжимая и разжимая пальцы на ручке своей сумочки. Немногочисленные пассажиры смотрели на нас с восторженным ужасом. – Как вы его ударили!

– Видел такой прием в чинской борьбе, – признался я. – Я ведь спортивный журналист, посмотрелся. А как *вы* ударили! Не ожидал, что вы волшебница!

Это многое объясняло бы в чудесном пироге, но в нем не было магии. Совсем. Глория вела свое дело без волшебства, только с умением.

– Да, я волшебница, – кивнула Глория. – Дипломированный артефактор.

– И вы работаете поварихой? – искренне удивился я. – Почему?

– Долгая история, – сдержанно ответила Глория, и я снова услышал похрустывание льда, которое советовало не лезть не в свое дело. – Ох, Виктор...

Я перевел взгляд на свой живот – туда, куда она смотрела, и увидел разрез и ткань, намокающую от крови. Ничего серьезного, царапина – наверно, рыжий как-то успел перехватить нож и полоснуть меня, или это вышло случайно, когда его отбрасывало заклинанием.

– Ничего страшного, – я постарался улыбнуться, но улыбка вышла кривой. – Пустяки, Глория, не переживайте, это...

– Вас приморозило отдачей от моего заклинания. Поэтому вы ничего не почувствовали, – объяснила Глория, и я с удовольствием услышал в ее голосе волнение и испуг. Ей было страшно за меня – по-настоящему страшно. Накрыв ладонью мой живот, Глория пробормотала что-то себе под нос, и я почувствовал, как все, что ниже пупка, погружается в холод. Глория поднялась с сиденья, я поковылял следом – интересно, смогу ли я после такой анестезии пользоваться членом не только для того, чтобы справить нужду?

Мне хотелось шутить. Думал ли я, спускаясь в погребок, что вечер закончится ножом в мягкое? Нет, ее пирог того стоит – я бы перенес дюжину ножей в спину, лишь бы получить его рецепт, и знал, что иду верной дорогой.

Испуганный водитель высадил нас возле городской больницы – здание было погружено во тьму, только горели окошки приемного покоя на первом этаже. Глория осторожно повела меня к дверям – сквозь холод, охвативший мой живот, пробивалось теплое течение крови. Это царапина. Просто царапина...

– Держитесь, Виктор, держитесь, – она говорила так, словно пыталась успокоить не только меня, но и себя. Странно, почему она так взволнована? Наверняка из-за нее не раз устраивали дуэли, ей давно следовало привыкнуть к виду раненых поклонников.

– Все хорошо, Глория, больница это лишнее, – пробормотал я, мягко выскользнул из ее рук и осел на ступеньках. Все это просто от неожиданности – меня давно не били, ни ножом, ни вообще. Но...

– Помогите! – Глория заколотила в дверь, и я услышал далекий отзвук недовольного голоса: дежурному врачу не хотелось встречать пациентов. – Помогите, здесь раненый!

Нет, она и в самом деле испугалась за меня. Пятно света от фонаря плавало вокруг моей головы, выхватывая из темноты то больничные ступеньки, то наполненное страхом, совсем юное лицо Глории. Какой же у нее вкусный пирог, жалко будет, если...

Я закрыл глаза и утонул во мраке.

Глория

– Учились магии?

Я кивнула. Меня снова стало знобить.

До этого я жила тихой спокойной жизнью. У меня давно не было никаких приключений – и вдруг несколько часов осеннего вечера изменили все.

Появился человек, который встал и заслонил меня собой. И это было настолько неприлично, настолько все меняло, что я не знала, что теперь об этом думать и что делать.

– Училась. Закончила королевскую академию, – ответила я, надеясь, что мне удастся избежать новых вопросов.

– Умница, видно работу профессионала, – одобительно произнес доктор. Виктор лежал на операционном столе, погруженный в сон. Врач осторожно зашивал рану, которая, по счастью, в самом деле, оказалась не настолько страшна, как я думала. – Если бы вы его не заморозили, то кровотечение было бы намного сильнее.

– С ним все будет в порядке? – спросила я и неожиданно для самой себя начала рассказывать: – Он зашел ко мне в погребок на пирог и кофе, потом ждал меня после закрытия. Мы разговорились, пошли на остановку омнибуса, а эти трое появились словно бы ниоткуда...

– Да, так всегда бывает, – согласился врач. Немолодой, очень спокойный и интеллигентный, он работал уверенно, инструменты в его руках двигались ровно и бесшумно. – В последнее время в столице много таких охочих до чужих денег.

– Он закрыл меня собой. Отбивался от них. А я разбросала их направленным заклинанием... потом мы сели в омнибус, и я увидела, что у Виктора кровь.

– Он ведь полуэльф, верно? – уточнил врач и указал на едва заметную серебристую татуировку на одном из ребер. Я прищурилась, вчитываясь в изящные завитки рун: «Лови момент», девиз еретиков-богословов прошлого века. Похоже, Виктор много читал.

– Да, он сказал, что его отец был эльфом. Как вас зовут, доктор?

– Сверрг Хольтон, к вашим услугам, – доктор сделал последний стежок, и Виктор едва слышно вздохнул во сне. – Ваш погребок это «У трех кошек» на Малой Морской?

– Да. Заходили к нам?

– Заглянул на прошлой неделе. Вы правильно варите кофе, с солью. Давно такого не пробовал.

Мы переглянулись и обменялись улыбками давно знакомых людей, даже друзей. Я решила, что дам доктору Хольтону карту постоянного клиента – пусть кофе всегда будет для него бесплатным.

– Мама так научила. Приходите в «Кошек», придете?

– Обязательно. Спасибо, – Хольтон смазал живот Виктора темно-зеленой мазью и довольно произнес: – Ну вот, я свое дело сделал. Полежит здесь пару дней, придет в себя и будет как новенький. Вам обоим повезло. Вы встретили его, он встретил вас.

Я не знала, что думать. Сейчас во мне не было ничего, кроме усталости – и благодарности. Виктор спас меня, доктор Хольтон спас Виктора, и у меня было чувство, что сегодня мы все встретились не напрасно.

Так иногда бывает. Ты стоишь на пороге чуда и всей своей кожей ощущаешь: вот оно. Вот я.

Виктор шевельнулся, просыпаясь. Сморщился, заморгал – на его лице появилось искреннее детское удивление, словно он никак не мог вспомнить, как здесь оказался. Потом он увидел меня, нахмурился и едва слышно спросил:

– Глория... ты как?

Да, пожалуй, самое время было для того, чтобы перейти на «ты». Я погладила его по холодному влажному плечу и ответила:

– Все хорошо. Спасибо тебе.

Виктор сейчас казался мне беззащитным – и очень хорошим. Ощущение чуда усилилось. Мы смотрели друг на друга, Виктор лежал на операционном столе, и я радовалась, что все было в порядке, и опасное приключение подошло к концу. Завтра будет новый день, и я зайду в больницу – принесу Виктору что-нибудь вкусненькое. Например, тот грушевый пирог, который так ему понравился.

Смущение? Радость? Я не знала, что чувствую.

– И тебе... – улыбка Виктора, смущенная и мягкая, стала еще шире. Доктор убиравший инструменты, снисходительно улыбнулся. – Как ты их раскидала...

– Да, у вас боевая девушка, – произнес Хольтон. Я хотела было поправить его, сказать, что я не девушка Виктора – но почему-то промолчала. – Но сейчас вам лучше не разговаривать и не напрягаться. Отдыхайте. Я позову санитаров, вас перевезут в палату.

На том мы и распрощались. Я пообещала, что завтра загляну, расплатилась с доктором Хольтоном той самой полновесной золотой кроной, которую Виктор все-таки оставил в книжке с чеком, и вышла на улицу. Дождь уже прошел, и брусчатка мостовой блестела влажными потеками золота в свете фонарей. Была осенняя ночь – прохладная, густая. Сквозь тучи проглядывали звезды. Никакие omnibusy уже не ходили, извозчики тоже спали, и я решила пойти пешком.

Если на меня нападут еще раз, то я снова раскидаю их заклинанием. Жаль, что Виктор не знал об этом, когда бросился на мою защиту.

Надо же – кто-то, кроме родителей, решил меня защитить. Спортивный журналист, полу-эльф, который, как видно, жил в трущобах – я запомнила, с каким лицом он говорил о том, как «оттуда выбрался». Что еще это могло быть, кроме криминальной городской окраины?

«Не накручивай себя заранее, дурочка, – посоветовала я себе, ежась от холодного ветра и шагая вдоль темных спящих домов. Еще полчаса пешком – и я буду спать в своей квартирке, и все, что было сегодня, завтра окажется просто захватывающим приключением, как в романах. – Ничего у вас нет и быть не может. Виктор не ухаживает за тобой, и не собирается этого делать. Он просто... он просто рыцарь. Вот и все».

Но мне хотелось надеяться. И я шла по ночной улице, и мои надежды и мечты летели за спиной.

Виктор

Проснувшись в больничной палате, я не сразу понял, как сюда попал – а потом обрадовался. Живот неприятно ныл, обезболивающая мазь медленно сдавала позиции, но я был счастлив.

Царапина, пустяк – но Глория была искренне взволнована. А когда девушка волнуется, то она начинает думать о предмете своего волнения. Готов поклясться, она провела ночь без сна. Когда человек, которого вы знаете несколько минут, заслоняет вас собой от грабителей, вы вряд ли останетесь равнодушны. Особенно если потом везли его в больницу и держали за руку.

За волнением и интересом придет увлечение. За ним последует влюбленность – а влюбленная девушка готова на все ради предмета своей страсти. Я, разумеется, не собирался делать ничего дурного. Я не из тех мерзавцев, которые заставляют подруг брать кредиты, чтобы оплатить какие-то свои прихоти. Мне нужен всего лишь рецепт удивительного пирога, который станет жемчужиной девятого тома «Академии».

Глория не отдаст его просто так. Повара хранят свои секреты так, что разведчики могут им позавидовать. Значит, придется искать другой подход – и я понимал, что нахожусь на верном пути.

У меня был сосед по палате – похоже, паралитик в коме: лежал, уткнувшись лицом в стену, и не подавал признаков жизни. На завтрак подали кашу, которая практически не отличалась от оконной замазки и на вид, и на вкус. Компанию каше составляло вареное яйцо и ломтик хлеба. Незачем обжираться, ты в больнице, а не на курорте – я согласился с таким подходом, съел яйцо с хлебом и провел несколько часов, составляя очередную статью для девятого тома на листках для рецептов, которые мне принес санитар.

Когда часы пробили полдень, в палату заглянула Глория – удивительно красивая, встревоженная, наполненная каким-то тихим светом. Я с удовольствием убедился в том, что она действительно не спала ночью – под глазами залегла синева, которая придавала прекрасной поварихе особенное очарование.

– Глория! – воскликнул я. – Ты!

– Я, – ответила Глория, присела на край моей кровати и принялась выгружать коробки и свертки из большой сумки. Запах был такой, что у меня снова шевельнулись волосы на голове. – Принесла тебе обед и ужин. Больничная кормежка – невеликое удовольствие.

Она старалась держаться спокойно и независимо – но я видел ее волнение.

– Что ты, не стоило так волноваться, – ответил я. – У тебя ведь много дел.

– Вижу, и у тебя тоже, – заметила Глория, указав на мои исписанные листки, и я в очередной раз обрадовался тому, что пишу стенографически, и никто не сможет разобрать мои каракули.

– Да, набрасывал статью про Ченцо Миренни, – ответил я. – Он боксер, недавно выиграл чемпионат королевства.

– Знаю, – улыбнулась Глория, и я подумал, что это похоже на свидание. – Мой сосед его горячий поклонник.

– Все-таки не стоило тебе беспокоиться, – сказал я. – Ты столько еды принесла! Мне этого на неделю хватит.

– Картофель в беконе с сыром и сметаной, запеченные чесночные грибы, баклажанные лодки с овощами и фаршем и кижуч с гриля, – сообщила Глория. – Весь мой кулинарный опыт подсказывает, что это съедается за полчаса.

О да! Судя по запахам из коробочек, я не буду смотреть на эту еду, как на замазку из каши, которую подавали на завтрак – один ее вид я буду с ужасом вспоминать до конца дней своих.

– Звучит сногшибательно, – признался я. – Прости, что принес тебе столько хлопот.

Улыбка Глории сделалась еще мягче. Она погладила меня по руке и ответила:

– Прекрати. Человек, который закрыл меня от ножа, не может доставлять хлопоты. Ешь, поправляйся. Я загляну завтра, врач сказал, что выпишет тебя вечером. Помогу добраться до дома.

Я отметил эту добросердечность и подумал, что она совсем не столичная. Тут все думают только о своем удобстве и комфорте – мне повезло, что у Глории была совесть.

– Спасибо, – с искренним теплом ответил я. – Глория, я признателен. Если когда-то чем-то смогу тебе помочь – только намекни.

На том мы и расстались. Когда шаги Глории утихли в коридоре, я открыл первую коробку и увидел картофелины, обернутые полосками бекона и утопавшие в белом чесночном соусе. Запах заставлял улыбаться и вызывал желание петь – мой сосед, который все это время лежал неподвижным чурбаном, зашевелился и едва слышно прошелестел:

– Картошечка...

– Даже не надейся, – ответил я и вооружился вилкой, которую предусмотрительно принесла Глория. – Тебе это вредно.

Чесночные грибы были приготовлены по старому орочьему рецепту – грибы перемешивают с травами, маслом и чесноком и запекают. Я и сам иногда их готовил, но у меня никогда не получалось настолько вкусно. Глория добавляла тимьян, и он придавал грибам такую легкость, что можно было есть и есть.

А кижуч с гриля – это кижуч с гриля, других слов тут не нужно. Живой восторг. Немного масла, смазать рыбину, добавить чуточку соли и сока лайма – и получите ожившее чудо на вашей тарелке. Компанию кижучу составляли абрикосы с медом, помидоры без кожицы, авокадо, сладкий лук и немного красного перца.

Я и сам не заметил, как коробочки опустели. Сыто откинувшись на подушку и чувствуя приятную наполненность в животе, я подумал, что Глории надо будет отправить цветы. Просто цветы – обычные, полевые. Дочь гнома не удивить золотом, а букет ромашек придется ей по сердцу.

А потом я двинулся дальше, к рецепту пирога. Потихоньку, шаг за шагом.

Мне некуда спешить.

Глава 2

Глория

– А вот у вас в меню баклажаны... Вы их готовите с чесноком? Вы уверены, что они не вялые, эти ваши баклажаны? Я непонятного барахла не ем!

Молодой орк сидел, вытянув ноги в проход и, кажется, пришел не поесть, а повыделываться. Марта, моя официантка, отвечала уже на сотый вопрос, давно потеряла терпение, и я не знала, каким чудом она сохраняет улыбку на лице. Судя по одежде, орк работал в банке на низшей должности, выбрался из грязи в князи и всеми силами пытался доказать окружающим, что грязи давно нет.

– Разумеется, – выйдя с кухни, я обезоруживающе улыбнулась, и орк тотчас же подобрал ноги под стул. Шнурок, который завязали на моем запястье Нар и Очир, друзья моего детства, произвел впечатление – как и то, что я была эльфийкой. Обычно орки сразу же пасуют, если видят моих сородичей, и начинают вести себя прилично. Это не строить из себя невесту что перед человеческой девушкой – если ты будешь говорить с эльфийкой в подобном тоне, то обязательно, непременно получишь сдачи от ее родных. И сдачи не в плане битья наглой физиономии – эльфы могут разорить тебя и отправить в грязь одним движением пальца.

У эльфов деньги и власть. И все об этом знают. Правда, никто не в курсе того, что я не из числа тех эльфов, у которых много денег и власти.

Вот и хорошо.

– Разумеется, мы готовим их с чесноком и травами, – самым любезным тоном сообщила я. – В фарш добавляем укроп, обязательно посыпаем сыром. Желаете попробовать?

– Д-да, желаю, – орк торопливо принялся перелистывать меню.

– Советую еще ломтики куриного филе в хрустящей корочке, – теперь мой голос был ледяным. Орк закивал: кажется, сейчас он был готов заказать все, что было в наличии, лишь бы не гневить эльфийку. – Плюс рекомендую белый соус, поджаренный ржаной хлеб и томатный сок с солью.

Марта с такой же любезной ледяной улыбкой записывала все, что я называла. Орк кивал.

– Что-то еще? – спросила она.

– Н-нет, этого достаточно, – пролепетал князь из грязи.

Через несколько минут он уже уплетал баклажаны, орудуя ножом и вилкой так, словно оказался на поле боя и расправлялся с врагом. Из-за соседних столов на него смотрели с насмешливым интересом. Орки обожают баклажаны, они готовы отдать за них все – и я видела, что весь гонор молодого банкира уплывает без остатка.

Ну еще бы. Моя мать была лучшей поварихой региона, и я многому у нее научилась. Например, тому, что хорошая еда способна превратить врага в твоего лучшего друга. Орк доел все, что ему принесли, попросил добавки, расправился с добавкой и, когда Марта принесла чек, захотел со мной побеседовать.

Я вышла из кухни, глядя на него так, как мои эльфийские предки смотрели на его сородичей – как на грязь под подошвами дорогих туфель. Мне не нужны скандальные клиенты: они отпугивают остальных посетителей. Но мне нужны постоянные гости – поэтому я улыбнулась и спросила:

– Как вам наши баклажаны?

– Это просто не передать словами! – воскликнул орк. – Уж на что моя мать была мастерица до баклажанов, и так их готовила, и этак, но ей до вас не добраться!

– Спасибо за высокую оценку, – улыбнулась я, забирая книжку с чеком и ассигнациями: орк не поскупился на чаевые, и я решила, что он реабилитирован. Иногда все мы совершаем ошибки – и хорошо, когда у нас хватает ума быстро их исправить.

– И простите меня, я был недостаточно почтителен, – продолжал орк. – Я тут краем уха слышал, что вчера на остановке какая-то буза была с местной пьянью?

Я кивнула. О «бузе на остановке» уже говорили по всей Малой Морской: вспышка моего заклинания была такой, что перебудила всех соседей, и нас с Виктором увидело множество любопытных глаз.

– Могу найти и проучить, – сообщил орк. – Остальным неповадно будет. А если понадобится сопроводить после работы, то я вот он. Всегда готов.

Я покосилась в сторону Марты – та едва сдерживала смех.

– Как вас зовут? – поинтересовалась я.

– Баргужин Гугда, к вашим услугам. Я банковский служащий. Через два квартала отделение Первого столичного, вот там я работаю.

– Пусть полиция делает свою работу, Баргужин, – ответила я. – Негодяи вчера получили по заслугам. Впрочем, думаю, Марте понадобится сопровождающий. Она далеко живет.

Когда Баргужин ушел, раскланиваясь и обещая быть здесь в десять вечера, чтобы составить компанию юной леди, Марта уважительно заметила:

– Ловко вы с орками обращаетесь, госпожа Глория!

– Я росла с ними, – с улыбкой ответила я. – Нар и Очир были моими лучшими друзьями, почти братьями. Так что я знаю, как с ними надо общаться.

– Как думаете, он неплохой? – поинтересовалась Марта.

– С ним надо поостроже, – сказала я. – И все будет хорошо.

Некоторое время назад Марта призналась, что очень переживает из-за того, что единственная из своих многочисленных сестер еще не вышла замуж. Может, теперь дело пойдет на лад.

Открылась дверь, и в погребок вплыл букет – белое облако из ромашек с синими мазками колокольчиков. Курьер, который выступил из цветов, заглянул в сопровождающий листок и спросил:

– А можно Глорию Фьярвисдоттир? Это ей!

Марта ахнула, посетительницы погребка заулыбались. Летние полевые цветы в начале осени – откуда? Почему мне?

Я приняла букет, вынула из него маленькую открытку и прочла: «Спасибо за прекрасный обед. Хорошего тебе дня! Виктор». Виктор. Лежа на больничной койке, он как-то умудрился отправить мне цветы... Я поймала себя на том, что улыбаюсь, словно ребенок, получивший желанный подарок.

Когда мне дарили цветы? На втором курсе, букет роз. Я не пользовалась популярностью у молодых людей – с головой ушла в учебу, не ходила на студенческие праздники, тонула в книгах, чтобы потом получить позор и полновесную золотую крону. И вот теперь эти ромашки и колокольчики осенью, нежные, тихие, свежие...

– Виктор, – прошептала я и улыбнулась.

Виктор

Полевые летние цветы осенью это редкость, но у меня был знакомый, который мог достать все, что угодно, хоть беса в ступе. Деньги способны принести вам все, а если мне было что-то нужно, то денег я не жалел. Курьер отрапортовал, что букет был доставлен, передан в нужные руки, и барышня осталась очень довольна.

Я довольно улыбнулся. Глория была эльфийкой, которая воспитывалась гномом и дружила с орками. К ней нужен был особенный подход. Романтический. В обычной жизни я носил облик этакого простачка – кому, как не простачку, быть романтиком ради прекрасной дамы?

Вечером мне принесли «Столичный вестник» с моей авторской колонкой. На этот раз в ней вышел обзор ресторана «Пряная радость» – я скользнул взглядом по черным строчкам

и представил, как в эту минуту хозяин заведения рвет волосы от досады и злости. А чего он хотел? Хорошего обзора для ленивых официантов, сухой отбивной и теплого салата, который холоден изнутри, словно сердце старой девы?

Мне всегда была нужна правда. И я не солгал ни единым словом.

После перевязки, когда доктор обновил заживляющую мазь и обрадовал меня тем, что завтра вечером я уже отправлюсь домой, я попросил у него чистую бумагу и сопроводил просьбу серебряной полукроной. Обзор погребка «У трех кошек» вышел неожиданно мягким для Виктора Фаренти – стряпня Глории сделала меня слишком добрым.

«Если вы хотите скрасить скверную столичную кухню чем-то приятным, то рекомендую «У трех кошек» на Малой Морской. Их грушевый пирог стал для меня откровением – нежный, очень осенний вкус, несомненная свежесть и обязательная вторая порция. Кстати, там варят кофе по особому рецепту, с солью, и это хорошо проявляет его насыщенный аромат. Что касается основных блюд, то погребок, разумеется, уступает крупным игрокам на кулинарном рынке столицы, но способен порадовать тех, кто любит почти домашнюю еду, как у мамы».

Я добавил еще несколько добрых слов в адрес Глории, и вскоре письмо отправилось в «Столичный вестник». Завтра вечером выйдет статья – я надеялся, что смогу увидеть выражение лица Глории, когда она ее прочтет. Сам Виктор Фаренти, великий кулинарный критик, который способен одним росчерком пера вознести повара на вершину славы, похвалил ее грушевый пирог!

Она будет петь и плясать, это точно.

Интересно, если она обучалась магии, то почему пошла работать поварихой? Я отправил еще одну записку, в которой просил своего знакомого в министерстве артефакторики узнать все, что можно, о Глории Фьярвисдоттир, и обрадовался тому, что эта больница настолько приличное заведение, что для пациентов предусмотрена почта. За дикие деньги, конечно, но я давно знал, что деньги не имеют значения.

Ответ пришел через час – нам как раз принесли ужин. Картофельное пюре, которое, к моему удивлению, оказалось горячим и съедобным, и куриную запеканку, грубую, жесткую и несоленую. Я открыл конверт и прочел:

«Виктор, дружище! Если ты решил связаться с Глорией Фьярвисдоттир, то это самое глупое, что ты можешь совершить. Она сильная волшебница. Очень сильная. Все годы учебы в академии была отличницей, хотела идти в академическую магию, и ей обещали место на кафедре боевой магии. Впрочем, ты и сам знаешь, что обещать не значит жениться: ее место понадобилось какому-то родственнику ректора, и Глорию завалили на выпускном экзамене. И все бы ничего! Да только тот родственник сейчас в Первом Медицинском госпитале, умирает от опухоли мозга. И открылась она через несколько дней после того, как Глория получила диплом. Конечно, искали следы магии, но такая опытная волшебница как она, разумеется, успела замести следы. Так что лучше держись от нее подальше. Она умеет мстить за свои обиды».

Я аккуратно разорвал письмо на клочки, доел куриную запеканку и, откинувшись на подушку, впервые подумал, что лезу туда, куда не следует.

Глория Фьярвисдоттир боевой маг. То, как она раскидала нападавших, впечатляло. А теперь еще и этот умирающий родственник ректора... Что, интересно, она сделает со мной, если узнает, что я начал за ней волочиться только ради того, чтобы вывести рецепт пирога?

«Если». Она этого не узнает. Никогда. Я всегда буду спортивным журналистом, простачком и дурачком – вот и все.

Лежать мне надоело. Я вышел в больничный коридор и первым делом наткнулся на долгоязого орка – наверно, он шел к кому-то из больных. Однако незнакомец осклабился, ткнул меня в плечо и произнес:

– Виктор?

– Ну? – ответил я вопросом на вопрос. Там, где я был раньше, таких вот любопытных брали за задницу и упаковывали в конвертик в три движения.

– Баранку гну, – ухмылка орка стала еще шире. – Ты вчера пьянчуг нанял, чтобы они спектакль с ограблением устроили?

А вот тут мне стало несколько не по себе. История с наемниками должна была остаться тайной до конца их дней – и вот теперь какой-то орк об этом знал и притащился ко мне... зачем?

– Понятия не имею, о чем ты говоришь, – с нескрываемым презрением процедил я, глядя ему в переносицу. Отличный способ смотреть свысока, даже если ты ниже ростом.

– Да все ты понимаешь, дорогуша. Даром я, что ли, весь день по больницам носился, искал тебя? У моего братюни из-за тебя рука сломана. Так что расплатиться бы надо!

Я, разумеется, не представлялся своим наемникам – они узнали мое имя, когда Глория окликнула меня. Где имя, там и адрес: если этот орк пришел меня шантажировать, то просто так не отстанет.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь, – повторил я. Орк кляцнул клычьями и спросил:

– А если твоя цыпа узнает, что ты ребят нанял, чтобы перед ней покрасоваться? А я знаю, где она работает и как домой идет. Кабы какой беды не случилось, а?

Вот ведь дрянь какая, ну ты только посмотри... Я кивнул, вернулся в палату и вышел с чистым листком бумаги и карандашом. Пристроившись на подоконнике, я стенографически написал несколько строк и, передав записку орку, спросил:

– Садовую улицу знаешь? – орк кивнул, радуясь, что разговор наконец-то перешел в практическую плоскость, и я продолжал: – Садовая, пять. Спроси Эрика и дай ему записку. Он расплатится. Вопросы есть?

Вопросов, разумеется, не было. Орк отсалютовал мне и пошел в сторону лестницы; я присел на подоконник и подумал, что хорошо, когда среди друзей есть маги и артефакторы.

Эрик вычистит память незадачливому шантажисту – и по ментальной цепочке проделает то же самое с выпивохами, которые с чего-то решили, что смогут потребовать с меня больше, чем я уже заплатил.

Глория ничего не узнает.

Никогда.

Глория

Я пришла домой в одиннадцать и, заварив кофе, села за стол, на котором расположилось мое личное изобретение. Никто и никогда не догадался бы, что это артефакт: просто серебряное блюдо, на котором лежит румяное яблоко – но стоит до него дотронуться, как яблоко начинает бегать по блюду и входит в контакт с таким яблоком на другом блюде. И тогда я вижу гостиную родительского дома, отца и маму, младших братьев – а они видят меня, и мы можем разговаривать.

Конечно, это был прорыв в артефакторике. Я хотела запатентовать этот артефакт – получила бы такие деньги, что могла бы всю жизнь не работать. Но потом меня завалили на экзамене, и о patente оставалось только забыть: их выдают только академикам и сотрудникам кафедр, а не самозанятым артефакторам. Так что серебряных блюд было всего два – у меня и у родителей.

Отпив кофе, я запустила яблоко по блюду. Вскоре серебро окутало туманом, а потом он развеялся, и я увидела гостиную и отца, сидевшего на диване с газетой.

– Привет, пап! – окликнула я. Отец заулыбался, отложил газету и подошел к стене, на которую было повешено блюдо. Я вдруг подумала, что страшно соскучилась по семье. По маме и отцу, по прадедушке Конраду, по Конраду-младшему и по близнецам Магде и Маркусу. Что бы ни случилось, у меня была моя семья – и это придавало мне сил.

– Глория! Привет! – он дотронулся до зеркала, словно хотел погладить меня по голове. – Как хорошо, что ты вышла на связь! Как дела?

– Хорошо, – ответила я. – Все хорошо. Пап, слушай... я хотела с тобой поговорить.

– Конечно, дочка, – отец улыбнулся, но, кажется, он встревожился. – Что случилось?

Я замялась, не зная, как начать – иногда у меня просто пропадали все слова, когда доходило до дела.

– Пап, ты помнишь, как полюбил маму?

Отец рассмеялся с облегчением – видимо, он успел за меня испугаться, и теперь был счастлив, что ничего плохого не случилось.

– Конечно. Вы с ней тогда пришли к моей гостинице – твоя мама решила устроиться поварихой. И я смотрел на нее и не мог оторвать глаз, – ответил он, и в его голосе появилась мягкая мечтательность. – Потом она приготовила мне яичницу на пробу, я ее съел и пропал. Вот так все и началось. А помнишь, ты подошла ко мне и попросила цветную бумагу и карандаши? Хотела сделать для мамы открытку в честь ее первого рабочего дня в «Вилке и единороге». Я тогда подумал: ну чудо же, что за девчушка, вот бы она была моей дочерью.

У меня защипало в носу. Фьярви Эрикссон был моим отчимом – но сделал для меня столько добра и окружил таким сердечным теплом, что давным-давно стал для меня отцом.

– Пап, – спросила я, – а я как понять, что ты влюбился? Что происходит?

Отец улыбнулся. Снова дотронулся до отражения.

– У тебя делается тепло в душе, – ответил он и дотронулся до груди. – Вот тут. У меня тут горит огонек с тех пор, как я встретил твою маму. Она уже спит, но если хочешь, я ее разбудю.

– Нет-нет, пусть отдыхает, – торопливо сказала я и добавила: – Только тепло?

– Много-много тепла, – кивнул отец. – И ты думаешь об этом человеке только хорошее. Хочешь быть с ним рядом, говорить, прикоснуться.

Я не знала, хочу ли прикоснуться к Виктору – но да, я о нем думала. В нем было что-то очень искреннее, очень важное для меня. Он был как хорошая загадка, которую мне хотелось разгадать.

– А еще у тебя будут огоньки в глазах, – улыбнулся отец. – Вот как сейчас. Он хороший?

Я рассмеялась и уткнулась лицом в ладони. Мне вдруг сделалось невероятно легко и спокойно.

– Хороший. Он спас меня от грабителей, – сказала я, и отец испуганно ахнул:

– Каких грабителей? Что случилось?

У гномов всегда так: если что-то происходит с их родными, то они кинутся бежать, спасать и рубить головы боевыми топорами, чтобы защитить близких.

– Все в порядке, пап, – ответила я. Отец выразительно завел глаза к потолку: дескать, знаю я ваше «все в порядке», держите лицо, а сами плачете в подушку. – Мы шли на остановку омнибуса, и подошли какие-то рожи, потребовали мою сумочку. Виктор закрыл меня от ножа, я раскидала этих дураков заклинанием...

– Виктор, как там дальше? – уточнил отец.

– Шмидт. Спортивный журналист, – ответила я, и отец воскликнул:

– Надо же! Я читаю его колонку в «Ежедневном зеркале», он пишет про борьбу, в основном. Ты не пострадала? С тобой точно все в порядке? Можешь сказать правду, мать не слышит.

– Я не пострадала, – улыбнулась я. Как же мне не хватало этой заботы – и, кажется, именно ее я и почувствовала в Викторе. – Виктора ранили, он сейчас в больнице. Но отправил мне цветы с курьером. Он хороший.

– Я рад, – сказал отец. – Дочка, ты знаешь: мы примем любой твой выбор, лишь бы ты была счастлива с этим мужчиной. И поможем всегда и во всем, где тебе понадобится наша помощь. Помнишь?

Я рассмеялась. Конечно, я помнила! Однажды отец уже сказал мне об этом: в пятом классе, когда я с Наром и Очиром сунула бомбу-вонючку в директорский туалет. Да, отец тогда помог: заплатил за ремонт, заплатил лично директору, но о бомбе и том, как она взорвалась и превратила директора в подобие Смарадодемона, не узнала ни единая живая душа. А я окончательно поняла: что бы ни случилось, мне помогут. Меня закроют собой – как и я закрою, если потребуется.

Это и была моя семья. Это и было то, что помогало мне выжить.

– Помню, пап, – ответила я. – Спасибо тебе.

Виктор

Глория не пришла на мою выписку, и я решил отправиться в «Кошек» – если Эрик не сработал, и шантажисты все-таки добрались до нее с неприятной правдой, мне надо было хотя бы попробовать оправдаться. Живот по-прежнему ныл, но уже не болел. Действительно, обычная царапина.

Думал ли я, что получу нож в пузо в попытке раздобыть заветный рецепт?

По дороге я остановился возле витрины книжного магазина. Продавец снимал с подставки восьмой том «Академии кухни», и покупательница, немолодая особа в светлом пальто, почти вырвала книгу у него из рук. Да, продажи хорошие. «Академия кухни» была национальным бестселлером, которому удалось потеснить и классиков, и беллетристику, и мусорные книжонки о приключениях отважного сыщика Джона Путти.

Я почти не чувствовал гордости по этому поводу. Просто спокойствие человека, который умеет делать свою работу.

В «Кошках» было не протолкнуться. Гости даже стояли на улице в ожидании свободных столиков, в руке у одного из мужчин я заметил «Столичный вестник» и услышал:

– А мясо на овощной подушке вы пробовали? Говорят, удивительный вкус!

У меня заныло в животе. После больничной стряпни хотелось отведать чего-нибудь попривлекательнее. Можно мяса, можно курицы – все равно. Я спустился по лестнице, и меня тотчас же мягко, но уверенно придержали за рукав и попытались отправить в конец очереди.

– Молодой человек! – гневно окликнул меня красноносый джентльмен в дорогом костюме. – Здесь очередь. Все ждут, и вы подождете!

Я, разумеется, не собирался ждать: вынув из кармана пальто красную книжицу контролера из Королевского надзора, я махнул ею перед джентльменом и холодно произнес:

– Я бы не советовал меня останавливать.

Связываться со мной не стали. Господа контролеры способны испортить жизнь любому, независимо от чинов и званий.

Но моя статья произвела фурор! Впервые за долгое время критик в маске кого-то похвалил – и народ повалил толпами, оценить стряпню счастливицы. Зайдя в погребок, я убедился, что свободных мест действительно нет. Официантка сбилась с ног, собирая заказы и разнося подносы с тарелками. Запахи стояли такие, что у меня закружилась голова, а в животе запело. Гости ели и не могли наесться; скользнув взглядом по тарелкам, я увидел салат с баклажанами и семгой, курицу в белом чесночном соусе, упомянутое мясо на овощной подушке и бесчисленное количество десертов. Официантка, которая что-то торопливо вычеркивала в блокноте, наткнулась на меня и крикнула в сторону кухни:

– Госпожа Глория! К вам!

Глория выглянула – усталая, счастливая, наполненная легкостью и вдохновением – увидела меня и улыбнулась:

– Ох, Виктор, прости, что не встретила. Тут сумасшедший дом! Ты представляешь, Фаренти меня похвалил! Сам Фаренти!

– Правда? – удивился я. – Вот здорово! Глория, это же невероятно! – я расстегнул пальто и произнес: – Так, распоряжайся мной. Я готов помогать.

Глория удивленно уставилась на меня, словно не ожидала, что я такое предложу. Почему бы и нет? Молодой человек, который уже начал влюбляться в прекрасную эльфийку и ее кулинарные шедевры, просто не мог остаться в стороне и не помочь.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она. – Как твоя рана?

– Царапина, говорю же. Ну так что надо делать? Могу мыть посуду, могу разносить заказы. Я весь к твоим услугам.

Глория вздохнула с облегчением.

– Спасибо, – она погладила меня по плечу и потянула на кухню. Я вошел в царство сверкающего кафеля пола и начищенных кастрюль, ароматов, шума ножей и бегающих домовых. Глория выдала мне белый фартук, подвела к большой мойке, заставленной кастрюлями и тарелками, и сказала:

– У нас сегодня правда с ума сойти, что творится. Ты меня спасешь, Виктор.

– Всегда рад, – ответил я, завязал тесемки фартука и, завернув рукава рубашки, принялся за дело.

Я стоял у мойки до самого закрытия и еще полчаса позже – от сковородок, кастрюль, тарелок, ложек и вилок у меня стало рябить в глазах, а руки наполнились гулом. Впрочем, не так уж я и устал: вытирая последнюю тарелку, я подумал, что впервые за долгое время был занят чем-то хорошим и по-настоящему важным. Я был при деле – при нужном деле, и это приближало меня к Глории.

Проводив последнего гостя и закрыв двери, Глория села за первый попавшийся столик в зале и устало опустила голову на руки. Так она и сидела, когда я вышел с кухни и погладил ее по волосам. Глория подняла голову, посмотрела на меня и негромко сказала:

– Удивительный день, правда?

– Правда, – ответил я, присев с ней рядом. – Фаренти о ком-то сказал доброе слово! Мы с ним работаем в одной газете, и я не помню, чтобы он кого-то хвалил. Но твоя кухня его впечатлила!

– Здесь много гостей с открытия, – промолвила Глория. – Даже не знаю, как он выглядел, когда приходил... Просто подавала то, что готовлю.

– Ты потрясающе готовишь! – горячо заявил я и не солгал ни словом, ни мыслью. – Неудивительно, что он в таком восторге.

– Теперь придется нанимать человека на мойку, – сказала Глория. – И кого-то на помощь Марте, она сегодня забегалась...

– Говорю же, я к твоим услугам, – улыбнулся я. Попасть на кухню чудесной поварихи, увидеть своими глазами, как она готовит – я о таком мог только мечтать и сейчас не собирался упускать свою мечту из рук. – Могу мыть посуду, пока ты не найдешь кого-то еще.

Глория удивленно посмотрела на меня – я снова сумел произвести на нее впечатление, а значит, нравился, все сильнее и сильнее. Этого мне и хотелось.

– Виктор, это... – замаялась она. – Я не знаю... неудобно!

Я только рукой махнул. Неудобно? Нет. Ни в коем случае.

– Да перестань ты. Тебе нужна помощь, и я помогу, – произнес я. – Во сколько завтра приходиться?

Глория

Погребок открывался в одиннадцать – когда я пришла к восьми, то увидела первых гостей, которые стояли у двери и записывали номера карандашом на ладонях. Увидев меня, одна дама золотого возраста, одетая по моде пятидесятилетней давности, осведомилась:

– Милочка, а сегодня будет грушевый пирог?

– Обязательно, миледи, – со всем возможным почтением ответила я. – И не только он.

– Я первая! – важно сообщила дама. – Мы с мужем приехали еще ночью!

Муж сидел на скамеечке поодаль: листал газету, и кажется, ему нужен был отдых, а не пирог.

– Еще три часа до открытия, миледи, – напомнила я. – Может, присядете?

– Нет уж! – отрезала старушка и покосилась на остальных ожидающих. – С этими акулами надо держать ухо востро! В любой момент можешь оказаться в конце очереди!

– Я попрошу домовых вынести вам стул, – сказала я.

Войдя на кухню, я увидела хлопочущих домовых, которые стояли на заготовках. Возле черного хода что-то мелькнуло, выпрямилось, и я с удивлением увидела Виктора в белом фартуке – он втаскивал ящик с грушами и, заметив меня, приветственно вскинул руку.

– Я принял груши у поставщиков! – сообщил он. – Они сегодня пораньше подъехали, хорошо, что я тоже подошел пораньше.

Я улыбнулась – Виктор улыбнулся в ответ, и на кухне будто бы сделалось светлее.

– Отлично, ты просто чудо! – рассмеялась я. Домовые подбежали к ящику и взялись за груши – их надо было очистить и нарезать.

– Всегда рад помочь, – с готовностью сообщил Виктор. – Что теперь?

Для него уже была работа на мойке, а я взялась за блюда дня. Сегодня в меню был классический теплый салат с баклажанами, помидорами и семгой, мясо на овощной подушке, которое так полюбилось гостям, картофель с беконом и сыром в белом соусе, куриное филе с сыром, сливками и чинскими мелкими помидорами, черный рис с овощами и, конечно, десерты.

Вообще грушевый пирог очень простая штука. Я даже удивилась тому, что он настолько пришелся по душе Виктору Фаренти.

– Послушай, ты же говорил, что работаешь с Фаренти в газете? – уточнила я. Виктор кивнул, отмывая очередную ложку, и я поинтересовалась: – А какой он?

– Ну-у, – протянул Виктор и улыбнулся еще шире. – Старый и страшный. Желчный такой старикашка. И на носу у него бородавка, вот такую!

Я рассмеялась. Домовые принесли нарезанные груши, можно было приступать к пирогу.

– К нам точно не заходил старикашка с бородавкой. Ты надо мной смеешься.

– Смеюсь, – согласился Виктор, вытирая руки. – Ну просто я не хочу, чтобы ты им заинтересовалась. Потому что он тебя похвалил, потом начнет сюда заходить, вы познакомитесь, ну и...

Он пожал плечами и вдруг сделался грустным.

– А я не хочу, чтобы... – Виктор замаялся и махнул рукой. Он был настолько искренним и трогательным в этот момент, что мне захотелось обнять его. Просто обнять – как друга, как брата.

Но я не стала. Улыбнулась и занялась пирогом.

Он был воздушным и легким, тесто получалось плотное и насыщенное, но в то же время мягкое. В глубокой миске я смешала муку, сахар, корицу и немного барандинского разрыхлителя и окликнула Виктора:

– Помоги мне с орехами!

Он охотно встал за стол и взялся за ступку – я невольно заметила, что Виктор работает ей так, словно не раз и не два имел дело с готовкой еды.

– Так все-таки какой он? – спросила я, высыпая половину истолченных орехов в свою смесь. Теперь надо было перемешать, как следует и добавить йогурта и растопленного сливочного масла.

– Просто мужчина средних лет, – ответил Виктор. – На него посмотришь и никогда не подумаешь, что он умеет готовить.

– А ты умеешь, – сказала я и кивнула на ступку. – Обычно мужчины не знают, с какой стороны ко всему этому подойти.

– Моя мать говорила, что я должен уметь делать все, – с далекой грустью произнес Виктор. – В том числе и готовить. У меня раньше не было денег на служанку, и я со всем управлялся сам.

Как говорил мой прадедушка Конрад, дай бог все уметь, да не дай бог самому все делать. Кажется, у Виктора раньше была очень грустная жизнь. Я не хотела расспрашивать – если захочет, он и сам все расскажет.

Я указала Виктору на терку и лимоны, и он принялся натирать цедру. В мою смесь ушли яйца, и я взялась за нарезанные домовыми груши. Те, которые были нарезаны кубиками, я обваляла в муке, чтобы они не погрузились на дно пирога и добавила их в тесто вместе с цедрой.

– А он сам умеет готовить? – поинтересовалась я. – Или только критикует других?

– Умеет, – ответил Виктор. – Он очень хорошо готовит. Однажды угощал нас куриными конвертами с сыром и шпинатом, мы просто ум отъели.

Куриные конверты. Знакомое блюдо – его подают по всему югу и юго-востоку. Чего только не кладут в разрез в курином филе – и сыр, и грибы, и творог, и помидоры! Может, стоит ввести эти конверты в меню? Ох, нет – если Фаренти решит зайти еще раз, то подумает, что я подлизываюсь.

Впрочем, с чего бы? Откуда ему знать, что Виктор рассказал мне о том, как и чем он когда-то угощал коллег?

Я выстелила формы для запекания пергаментными кругами, смазала маслом и припудрила мукой. Аккуратно перелила тесто и постучала формами о стол, чтобы прогнать пузырьки. Разложила сверху груши, нарезанные длинными ломтиками, присыпала орехами – все, можно отправлять в духовку.

Гости будут довольны.

– Такой вот пирог, – сказала я. – Его, кстати, можно подавать с шариком мороженого.

– Отличная штука, – согласился Виктор. – Я видел магазинчик сладостей в паре кварталов отсюда. Если хочешь, метнусь за мороженым, возьму пару ведерок?

– Спасибо тебе, – ответила я. – Будет очень кстати.

Виктор снял фартук и пошел к выходу – потом обернулся уже у дверей, послал мне воздушный поцелуй и убежал.

Глава 3

Виктор

Я пришел домой в половине двенадцатого – сегодня гостей было еще больше, чем вчера, и мне хотелось вытянуться на кровати в большой спальне своей холостяцкой квартиры и заснуть на пару дней. Все во мне гудело, а руки казались чужими – но то, что я заполучил рецепт, придавало мне обжигающей бодрости.

Я все видел своими глазами. Пирог – а Глория сытно накормила и меня, и домовых – оказался в точности таким же, как в первый раз. Теперь надо было приготовить его самому – и потом включать в книгу рецептов.

Я учился стряпать на Черном Юге – не буду рассказывать о том, как меня туда занесла судьба, слишком уж это долгая и грустная история. Но хозяин кабачка, господин Али ин Фахан, колотил меня палкой после каждого обеда, пока тот плов, который я готовил, не стал идеальным: рассыпчатым, ароматным, вызывающим какой-то непостижимый восторг.

С тех пор я прошел долгий путь. Я собирал, выменивал и крал рецепты самых редких и невообразимых блюд – и все я готовил сам, чтобы слова, торопливо записанные на бумаге, не были просто словами.

Сегодня мне повезло. Очень повезло. Я видел своими глазами приготовление пирога, а наши отношения с Глорией не зашли настолько далеко, чтобы мое исчезновение причинило ей боль. Что ж, будем готовить!

Пирог отправился в духовку на час – в ожидании я сварил себе кофе и сел у окна. Моя кухня – большая, белоснежная, чистая – казалась мне кораблем, а я был капитаном, который вел свое судно к новой жизни. За окном засыпала столица – моя квартира занимала третий этаж в самом центре, с видом на королевский дворец и центральную площадь святого Марка, и я подумал: видели бы меня те, кто когда-то пинал тощего школьника в заплатанном пиджачке и вышвыривал его вещи в нужник!

Впрочем, нет. Они не увидят. Мои бывшие соученики не заходят в центр столицы: первый же полицейский завернет этих грязных нищелюбов на подходе. А Глория не знает, где я живу – так что даже не подумает, что меня можно искать в этом доходном доме, где я не снимаю, а уже владею.

Да и будет ли она меня искать? Вряд ли. У нее слишком много дел после хвалебной статьи Фаренти, чтобы бегать за спортивным журналистом. Пироги сами себя не испекут.

Дальше мы пойдем разными дорогами, хотя я и немного жалел об этом. Глория была красавицей – это и слепой подтвердит. К ее красоте прилагались ум и хватка: только умный и цепкий человек будет в одиночку вести дело в столице, где на таких вот рыбок приходится по сотне акул, а Глория вела, и очень успешно. Фаренти мог написать все, что угодно, но я покрутился в толпе ожидающих во время перерыва и услышал, как те, кто уже обедал в «Кошках» расхваливают еду – а глас народа сильнее голоса критика.

По площади неторопливо брели гуляющие: должно быть, шли из театра – там начались гастроли труппы из Сандунского княжества. У меня мелькнула мысль о том, что можно было бы пригласить Глорию на спектакль. Я очень давно не выбирался в свет – а если выберешься один, то все решат, что этого господина немедленно надо женить на одной из бесчисленных дочек.

Нет, свадьба это не по моей части. А вот просто развеяться с милой барышней – почему бы и нет.

Я напомнил себе, что ушел из жизни Глории, и туда незачем возвращаться, и в эту минуту пикнули часы – пирог был готов. Я вынул его из духовки, отрезал кусок и, подождав несколько минут, запустил в него вилку.

Мой пирог. Мой рецепт. Теперь по-настоящему мой.

Я отправил кусок в рот, прожевал и нахмурился. Пирог был хорош – в конце концов, я умею не только критиковать, но и готовить на высшем уровне. Да, пирог получился замечательный – но и только. В нем не было ничего общего с тем кулинарным экстазом, который Глория подавала в «Трех кошках».

В нем не было того ингредиента, который я тогда не смог вычленить.

Я съел еще. Доел пирог, чувствуя, как во мне нарастает обида и пульсирует гнев – и запустил тарелку в стену. Мне хотелось разрыдаться в голос, как обиженной барышне. Мне хотелось бить кулаком по столу.

Это был не тот пирог! Не тот!

В груди вдруг толкнулась боль, и начало печь. Всемогущие боги, да меня сейчас удар хватит из-за этого проклятого пирога! Хитрая дрянь не показала мне всего – хотя показывала, я видел каждое ее движение. Да, Глория Фьярвисдоттир не так проста и не раскрывает своих тайн даже тем, кому улыбается, кого считает другом.

Мне хотелось быть от бессилия.

Через полчаса я все-таки пришел в себя. Убрал остатки пирога в холодильный шкаф, вымыл посуду и плиту – простые привычные действия помогали мне успокоиться.

Могла ли Глория заподозрить, что я не тот, кем прикидываюсь? Нет. Виктор самое пространное имя в этой части страны, Виктор Шмидт спортивный журналист, который действительно публикуется в «Ежедневном зеркале» и «Столичном вестнике» – надо же мне иметь прикрытие, вот и оно. Глория просто подозрительна, она всем улыбается и во всех видит врагов – даже в тех, кто закрывает ее от нападающих.

В каком-то смысле это правильно. Добрячки и простачки не выживут в мире акул.

Пирог получился хорошим – я все-таки был отличным поваром. Но мне нужен был идеал. Значит, завтра я вернусь в «Кошек» – и получу свой рецепт.

Глория

– Миледи, я в восхищении, – мужчина с зализанными темными волосами, невероятно жирный, одетый так, как одеваются господа из министерств, протянул мне букет нарциссов, и «Кошек» сразу же наполнил тонкий аромат. – Вы просто мастер в приготовлении мяса. Мой личный повар прошел обучение у профессионалов Благословенного края, но ему далеко до ваших умений и талантов.

Значит, личный повар. Вот сколько шума наделала статья Виктора Фаренти – теперь ко мне заходят те, кто может себе позволить собственную кухню. Я читала о таком: повара изобретают особые рецепты для состоятельных господ, а потом патентуют их под хозяйским именем. Соус Бержерак, например. Горчица, лимонный сок, оливковое масло, соленые анчоусы и куриное яйцо – говорят, старый промышленник Бертран Бержерак был редкостной сволочью, и соус его имени – единственное хорошее, что от него осталось.

– Благодарю вас, – ответила я с тем холодным эльфийским достоинством, которое напоминает этим господам о том, насколько велика пропасть между нами. Моя мать – эльфийская княжна, я родилась в законном браке с принцем Благословенного края: я никогда об этом не забывала, а значит, и другие не позволяли себе вольностей. Я понимала, с чем пришел этот господин: после цветов и комплиментов последует предложение работать на его кухне, и мне это было нужно примерно так же, как прошлогодний снег.

– Я слышал, вы прекрасно готовите красную рыбу? – осведомился мой визави и, нарочито хлопнув себя по лбу, произнес: – От волнения совсем забыл представиться: Анри Айзен, второй заместитель министра здравоохранения.

Я одарила его вторым сдержанным кивком и ответила:

– Искренне рада нашему знакомству, господин Айзен. Да, я готовлю красную рыбу в сливках с чинскими мелкими помидорами и шпинатом.

Айзен завел глаза к потолку.

– Звучит божественно, дорогая госпожа Глория! Как вы смотрите на то, чтобы готовить такую рыбу для меня?

– Частный заказ? – уточнила я. – Или вы предлагаете мне должность вашего личного повара?

Эльфийская принцесса в такой роли – это не по чину второму заместителю министра, и он это прекрасно понимал. Айзен улыбнулся, его бледно-голубые глаза остро сверкнули, и он вынул из кармана чековую книжку.

– Я хотел бы ежедневно обедать у вас. Красная рыба в сливках с чинскими мелкими помидорами и шпинатом – о, это звучит, словно песня! Словно целая опера! Вас устроит, если я буду приходить в половине второго?

Я прищурилась, словно прикидывала свой график. Половина второго, горячая пора: у чиновников и преподавателей обеденный перерыв, а в «Кошках» аншлаг. Но и такими гостями, как Анри Айзен, тоже не разбрасываются; я кивнула и ответила:

– Приходите, я буду рада.

Айзен удовлетворенно улыбнулся и, положив книжку на стойку, принялся выписывать чек. Мимо него прошла Магда; поднос в ее руках едва не трескался от тарелок. Бросив взгляд на кухню, я увидела Виктора, который отмывал сковороду, и мне стало немного теплее.

– Вместе со мной будут еще трое моих помощников, мы займем целый столик, – произнес Айзен. Я кивнула: четверо гостей лучше, чем один. – Вон тот, в углу, в некотором отдалении.

– Хорошо, господин Айзен, я зарезервирую его для вас. Какие-то пожелания по поводу гарнира? Напитков?

– У вашего черного риса утонченный вкус, – похвалил Айзен, – на нем и остановимся. Чай и простая вода меня устроят. Десертов не нужно, я не ем сладкое. Вот, возьмите, дорогая госпожа Глория: это оплата наших визитов за первую неделю.

Я бросила взгляд на строчку в чеке и подумала, что такую сумму зарабатываю за месяц. Айзен не экономил на том, что ему нравилось. Вот и замечательно.

– Благодарю вас, – ответила я, убирая чек в записную книжку. Сегодня надо быстро метнуться в банк, обналичить его и положить деньги на счет. – Я чем-то еще могу вам помочь?

– Племянник ректора королевской академии магии и артефакторики сегодня ночью скончался в Первом Медицинском госпитале от опухоли мозга, – сообщил Айзен. Я не сразу поняла, о каком племяннике и каком ректоре он говорил: у меня было слишком много дел, чтобы держать в памяти свое прошлое – а потом я настолько удивилась, что с трудом сумела сохранить невозмутимое выражение лица.

Умер и умер. Мне-то что?

– Я могу только соболезновать господину ректору, – ледяным тоном ответила я. Айзен кивнул.

– Ректор отправил специальную комиссию для вскрытия. Пытался доказать, что его дражайший родственник, которому приготовили место на кафедре, не просто умер, а был убит. Боевое заклинание Хайдвига... я знаю, что у вас оно получалось намного лучше, чем у остальных ваших сокурсников.

Аромат цветов вдруг сделался настолько резким, что меня стало тошнить. Вот, значит, как: мало было меня опозорить на выпускном экзамене, отнять мечту, выбросить из академии – теперь меня хотели обвинить в предумышленном убийстве. Мотив, конечно, был железным, а эльфы известны своей мстительностью и жестокостью.

Ну что, Глория, будешь ждать полицию?

– Я ни в чем не виновата, – только и смогла ответить я. Айзен дружески похлопал меня по руке.

– Разумеется, дорогая Глория! Я лично осматривал тело покойного и не нашел ни единого следа Хайдвига. Несчастный умер от естественных причин, но вы же понимаете...

Мне сделалось холодно. Захотелось повесить на дверь табличку «Закррито», первым же поездом уехать в Келлеман и больше никогда не возвращаться в столицу.

– Господин ректор не успокоится, – сказала я. Айзен расплылся в улыбке сытого удава и кивнул.

– Разумеется, Глория. Но если вы будете хорошо меня кормить, то мы все это уладим.

Виктор

Конечно, Айзену надо было не только обедать. Со своего места я видел, как маслянисто поблескивают его глазки, когда он смотрит на Глорию, и понимал: он тоже ищет подход к прекрасной поварихе. Жена-эльфийка способна поднять мужа-человека так высоко, что и не достанешь. Глядя, как он вручает ей цветы, я ощутил укол чувства, отдаленно похожего на ревность.

Впрочем, с чего бы мне ревновать ее по-настоящему? Глория, конечно, прекрасна – но я здесь не за этим. Меня интересует только рецепт удивительного пирога, и я его достану. Сегодня Глория снова готовила грушевый пирог – в точности так же, как и вчера, я смотрел, не открывая глаз, и не увидел ничего нового.

Может, у нее в рукаве спрятан пузырек с приправой? И она подсыпает ее так, чтобы не заметил даже самый зоркий наблюдатель? Глория ведь понимает, что если у повара хорошие рецепты, то всегда найдутся те, кто захочет раздобыть их – поэтому ничего не показывает до конца...

Или это все-таки эльфийская магия? Нет, магии не было. Точно не было, я бы понял. Было лишь мастерство повара и особая приправа, которую Глория добавляла незаметно. Может, чинский усилитель вкуса. Может, какой-то порошок из Благословенного края.

Я это узнаю. Обязательно узнаю. Воспоминание о том, как вчера тарелка полетела в стену моей кухни, язвило меня и жгло – я готов был на все, чтобы загасить этот огонь.

– Это ведь Айзен был? – поинтересовался я, когда Глория вернулась на кухню.

– Айзен, верно. Ты с ним знаком? – удивилась она.

Я видел Айзена в дорогом столичном борделе, где умелые девицы от души стегали его плеткой по нежным местам, но, разумеется, об этом не стоило говорить Глории.

– Да, видел его несколько раз на борьбе, он большой поклонник Панзуны Чесси, – ответил я. – Что он хотел?

Глория улыбнулась и, встав за стол, принялась начинать куриные конвертики зеленым луком и грибами.

– Будет ежедневно обедать со своими помощниками. Черный рис и лосось в сливках, – ответила она. Я понимающе кивнул. Если здесь будут обедать министерские, то скоро погребок станет новым центром столичной жизни. Потому что за обедом не просто едят – здесь решают важные дела, настолько важные, что обычных гостей сюда уже не пустят. И не надо будет ставить охрану у входа – Глория повысит цену настолько, что ее пироги и мясо станут не по зубам простым горожанам, которые сейчас выстраиваются в очередь у дверей «Трех кошек».

– У него такой вид, словно он хочет от тебя не только еды, – хмуро заметил я. Снова царапнуло ревностью, и я осадил себя: я не должен ревновать. Показывать ревность – да, потому что Глория должна думать, что я за ней ухаживаю. Но у меня не может быть этого неприятного чувства, от которого становится горько во рту.

– Ох, ну что ты говоришь! – Глория рассмеялась, но смех был слишком уж искусственным. – Зачем ему нужна повариха?

– Ты ведь не простая повариха, – ответил я. – Ты эльфийка. Представляешь, что будет, если ты выйдешь за него замуж?

Глория посмотрела на меня так, словно я говорил какую-то невообразимую чушь.

– Я повариха, – ответила она с нервным смешком. Домовой поставил передо мной очередную стопку тарелок, и я принялся за мытье. – У меня нет ни связей, ни богатой родни.

– Но ты эльфийка, – повторил я, бросил в воду губку и мрачно сообщил: – Пусть только попробует тянуть к тебе руки. Я их повырываю.

Конечно, у меня были связи и деньги – но не такие, чтобы вырывать руки министерским. Но моя решительность понравилась Глории – она улыбнулась, тепло и ласково, и я улыбнулся в ответ.

– Как хорошо, что меня есть, кому защитить, – сказала она.

– Я думал, ты поняла это, когда на нас напали те выпивохи, – ответил я и, отложив губку, произнес искренне и горячо: – Глория, в самом деле! Ты хорошая. Ты очень хорошая. Я никому и никогда не позволю тебя обидеть. Если тебе понадобится любая моя помощь – только скажи.

Я запоздало подумал, что все это похоже на признание в любви, но замолчать уже не мог. Какая-то часть моего разума хваталась за голову и кричала: да заткнись ты уже! – но другой части, большей, хотелось говорить. Потому что Глория смотрела на меня мягким светлым взглядом, и я становился кем-то другим.

Не циничным кулинарным критиком, который испытывал удовольствие, когда его статьи разоряли рестораторов. Не журналистом, который мог проникнуть, куда угодно, и вывести, что угодно.

Просто человеком, который вдруг прикоснулся к тому, что могло быть его счастьем.

Прикоснулся – и отдернул руку. Осадил себя.

Я здесь не за этим. И счастье мое совсем в другом.

– Ты тоже хороший, – негромко сказала Глория. Домовые, которые сбились пушистой стайкой возле печей, смотрели на нас с искренним любопытством в черных бусинках глаз. – Я рада, что у меня появился такой друг.

Я провел губкой по тарелке и с грустной улыбкой ответил:

– Я бы хотел быть кем-то большим. Не просто другом.

И вдруг понял, что дело тут не только в рецепте пирога – но это понимание настолько ошарашило меня, что я торопливо отстранил его. Выкинул из головы. Снова улыбнулся.

Глория улыбнулась в ответ и, отвернувшись от меня, вновь взялась за куриные конвертики. Заказов было много. Очередь гостей растянулась до соседнего квартала.

Я вздохнул и принялся мыть тарелки. Пока мне оставалось только это.

Глория

– Отличная штука этот грушевый пирог, – сказал Виктор, когда рабочий день закончился, и мы вышли из погребка. К завтрашнему дню все было готово, я успела обналичить чек и заказать свежайшую форель, которую должны были привезти в полдень, сразу после улова.

Мне нужны обеспеченные гости, которые готовы хорошо платить за обед.

– Это с подачи моих домовых, – ответила я. – Когда мама привезла их в столицу, то они захватили с собой старую тетрадку с рецептами. Там много всего, что потом пошло в меню.

Виктор улыбнулся и вдруг сказал без перехода:

– Береги себя, пожалуйста. И будь осторожна с Айзенем.

Его слова и взгляд согрели меня – за годы учебы я отвыкла от того, что рядом может быть кто-то близкий. Маги и артефакторы во многом одиночки. У меня были приятельницы, с которыми я ходила в театры и кофейни, у меня были соседки по комнате в общежитии, но сейчас Виктор смотрел мне в глаза, и я чувствовала себя правильно. Я была на своем месте.

– Хорошо, – негромко ответила я. – Буду.

Он проводил меня до дома и, поднявшись на свой третий этаж, я бросила взгляд в окно и увидела, как Виктор идет по улице, спрятав руки в карманы пальто – усталый, одинокий и счастливый. Я чувствовала его счастье, словно маленькое солнце в ладонях.

Сюрприз ждал меня, когда я открыла дверь квартиры. Вспыхнули лампы – во всех комнатах. Я увидела, что возле входа в гостиную стоят двое мужчин в неприметных темно-серых костюмах, и в животе заворочался холодный клубок. Грабители – нет. Ректор послал их, чтобы расправиться со мной после смерти обожаемого родственника – возможно.

– Кто вы? – спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно. Правая рука мягко легла на ручку двери: толкнуть ее, вывалиться в подъезд, выбежать на улицу. Дверная ручка ухнула в пустоту, я чуть не упала – из подъезда в квартиру зашел третий незнакомец в темно-сером и мягко толкнул меня вперед.

– Не волнуйтесь, госпожа Фьярвисдоттир, проходите, – сухо произнес один из стоявших у гостиной и бросил кому-то: – Она здесь.

Окатить их заклинанием Валунси, что ли? От него кожа покрывается кровавыми волдырями, и им еще долго будет не до меня... Я медленно вошла в гостиную и надо же, увидела Айзена с очередным букетом – на этот раз белые розы и пионы. Второй заместитель министра здравоохранения сидел на моем диванчике, с любопытством рассматривал пейзаж на стене и, когда я вопросительно подняла бровь, всем своим видом требуя объяснений, поинтересовался:

– Какая любопытная картина, это работа Гийона?

– Понятия не имею, – сухо ответила я. – Что вы здесь делаете?

Айзен кивнул своим людям – те бесшумно выскользнули из квартиры, и я услышала шум в подъезде: встали у дверей на случай, если я окажу сопротивление их шефу. Мне сделалось мерзко – словно я рухнула в жидкую теплую грязь.

– Решил навестить вас, посмотреть, где живет та, которая будет кормить меня обедами, – ответил Айзен. Пошевелился – диван под ним издал тоскливый стон. – Дорогая, ну это никуда не годится. Эльфийская принцесса не должна жить в таком болоте. Мы с вами...

– Нет никакого «мы», господин Айзен, – отрезала я. – Есть только я и мое болото.

Айзен посмотрел на меня так, что стало ясно: он не уйдет, не получив своего, а я, кажется, могу все потерять через несколько минут. Потому что никто не приходит в гости без приглашения с хорошими целями – а раз так, то мне остается либо сопротивляться, либо терпеть.

И сопротивления мне не простят. Объявят, что по результатам вскрытия обнаружилось, что племянника ректора убило боевое заклинание Хайдвига, и в нем найдены личные магические нити Глории Фьярвисдоттир.

И это будет конец.

На мгновение мне непередаваемо остро, до обморока, захотелось развернуться и уехать. Вернуться в провинциальный Келлеман, к родителям, семье, друзьям – но только я слишком хорошо понимала, что теперь принесу им только беду.

– Повторяю свой вопрос: что вам нужно? – меня могли загнать в угол, но я была принцессой и дочерью княжны, и этого никто не смог бы отнять. В глазах Айзена появился маслянистый блеск, длинный тонкий нос покраснел, словно господин заместитель приложился к бутылке.

– Вы негостеприимны, – мягко заметил он. Мне вдруг показалось, что за рыхлым телом Айзена скрываются толстые змеиные кольца.

– Только к тем, кто приходит без приглашения.

– Хорошо, обойдемся без ненужных оборотов. Я предлагаю вам переехать.

– Куда же?

Диван под Айзеном снова заскрипел.

– В место, намного приличнее этого. Вы эльфийская принцесса, дорогая Глория, мне это известно, хоть вы и тщательно скрываете свою родословную. Пожалуй, пришло время получить то, что вы имеете по праву. Достоинство, честь, приличное окружение.

Мне не нравилось то, что он говорил. Очень не нравилось.

– Вы все же используете ненужные обороты, – сказала я. – Говорите прямо. Зачем вам, такому высокопоставленному господину, обычная повариха?

Айзен улыбнулся.

– Вы ведь не обычная повариха, не надо скромничать. Вам нужна хорошая работа вашего погребка, новые гости, новые заказы. А мне нужна эльфийская принцесса и обручальные кольца на наших пальцах.

Я рассмеялась. Расхохоталась в голос – это, конечно, была истерика, и я ничего не могла с этим поделать. Айзен терпеливо ждал, глядя на меня с самым понимающим видом.

Когда-то мы с мамой сбежали из Благословенного края, великой и прекрасной страны эльфов. Если бы мама не спряталась вместе со мной в багажном отсеке почтовой кареты, то мой отец по крови рано или поздно убил бы нас – просто потому, что мог. Сейчас мной вдруг овладело то почти забытое чувство беспомощности, которое окутывало меня в минуты нашего побега.

Вот только теперь мне было некуда бежать.

– Хотите жениться на эльфийской принцессе, – сказала я, отсмеявшись и вытирая слезы. Айзен с достоинством кивнул.

– Я могу всю жизнь проходить заместителем министра, – ответил он. – Сами понимаете, я этого не хочу. Наш брак передвинет меня в министерское кресло в считанные дни.

Вот как. Карьерный рост через удачный брак. Непонятно только, почему я-то должна в этом участвовать.

– Значит, вы хотите стать министром с моей помощью. И что же я получу за это, кроме сомнительного счастья в виде мужа-человека?

– Жизнь вашей семьи, – ответил Айзен. – Тихую и спокойную жизнь в Келлемане. Разве это мало?

Виктор

Я убил еще один вечер на приготовление пирога. Он получился очень вкусным и ароматным, он сделал бы честь любому ресторану средней руки, но он был совсем не таким, как у Глории. В ее пироге скрывался секретный ингредиент, которого я никак не мог распознать, но он заставлял меня замирать от счастья.

Вздыхнув, я убрал едва початый пирог и со вздохом выглянул в окно. На улице моросил дождь, столица спала. Где-то далеко была Глория и ее тайна. А на моем столе в кабинете лежала рукопись девятого тома «Академии кухни», и я знал, что не сдам ее в издательство, пока в ней не будет рецепта пирога.

Если для этого придется закрутить роман с прекрасной поварихой, то я не против. Если для этого понадобится жениться на ней – я женюсь.

В конце концов, почему бы и нет? Глория замечательная девушка – самостоятельная, сильная, уверенная. Я буду писать свои статьи, она продолжит работать на кухне «Трех кошек» и никогда не узнает о том, что я не влюблен в нее.

Я не покажу этого. И издам десятый выпуск «Академии кухни». И одиннадцатый. И дальше. У Глории столько рецептов, что хватит надолго.

И да, мы будем счастливы. Я готов был пообещать это.

Когда я подумал о том, что могу жениться ради рецепта пирога, мне вдруг остро, почти до боли в мышцах захотелось снова увидеть Глорию. В центре столицы можно найти экипаж в любое время суток. Она, конечно, не обрадуется ночному визиту, но у меня всегда в закромах

есть дорогие трюфельные конфеты с золотыми блестками и персиковый ликер, а я не знал женщины, которую они бы не смягчили.

Я понятия не имел, зачем мне понадобилось увидеть Глорию. Но мне не сиделось на месте – собрав бумажный пакет с гостинцами, я вышел на улицу. Дождь перестал, угрюмый ночной извозчик обрадовался пассажиру, и лошадка бодро зацокала копытами по мостовой.

Когда мы подъехали к нужному дому, то я увидел букет на дороге. Он выглядел так, словно им кого-то гнали по лестнице, и во мне шевельнулось какое-то непривычное и очень неприятное чувство.

Уже потом я понял, что это было стремление кого-то защитить.

– А букетик-то не из простых! – удивленно воскликнул извозчик. Лошадка нагнулась и подхватила смятый цветок: зачем упускать лакомство? – Пионы осенью! Дорогушие, а их вот так, по мостовой раздербанили, ну ты глянь, а...

– Не повезло кому-то, – сказал я, спускаясь из экипажа. Глория жила в квартире номер семь на третьем этаже и, подняв голову, я увидел, что четыре окна горят тревожным золотым светом.

Квартира Глории? С ней что-то случилось?

Я почти взлетел на третий этаж и увидел, что дверь седьмой квартиры распахнута настежь. Я заглянул в коридорчик, чувствуя, как живот наполняется холодом, услышал всхлипывания и громко сказал:

– Глория! Это я, Виктор!

До меня донесся глубокий вздох, и Глория откликнулась:

– Я здесь. Заходи.

– Все в порядке? – спросил я, проходя в гостиную. По полу были рассыпаны лепестки пионов и роз: кажется, Глория выпроваживала навязчивого поклонника. Но, судя по ее заплаканному лицу, на котором словно оттиснули глубокую душевную боль, дело здесь было не в ухажере. Она свернулась калачиком на диване, словно ребенок; я присел с ней рядом, осторожно, чтобы не напугать и не обидеть, погладил по плечу и спросил:

– Что случилось?

– Я едва не убила Айзена боевым заклинанием, – прошептала Глория. – Опомнилась в последнюю минуту, отходила его букетом.

Вспомнив о нашей встрече с заместителем министра, я подумал, что это ему даже понравилось.

– Чего он хотел? – спросил я, чувствуя, как во мне снова начинают царапаться ревность и злость. К кому тут ревновать-то? К мешку сала?

– Он предложил мне выйти за него замуж, – едва слышно ответила Глория, и я понял, что она растеряна и выбита из жизни. – Эльфийская принцесса в качестве жены поднимет его в министерское кресло.

Я даже не успел удивиться по поводу того, что хозяйка «Трех кошек», оказывается, владыческих кровей. Анри Айзен, второй заместитель министра здравоохранения, предлагает Глории руку и сердце! Да любая другая девушка на ее месте уже пела и плясала бы, не помня себя от счастья. Пусть под ним с завидной регулярностью ломаются кровати и стулья – он один из высших чиновников, и ему нельзя сказать что-то еще, кроме «да».

Но Глория ему отказала.

– Я так понял, что ты сказала ему «нет»? – предположил я. Глория кивнула.

– Он ответил, что мне следует подумать о моей семье. Келлеман далеко, но с ними всякое может случиться, – прошелестела она, и я увидел, что Глория снова заплакала – тихо, бесшумно, словно выдавливала яд из раны. – И я едва не ударила его заклинанием... а потом просто отходила веником и выгнала отсюда. Мерзавец... за них некому заступиться, некому! Мой отец хозяин гостиницы, мать повариха... ох, Боги, ну почему, ну что я сделала...

Да понятно, что ты сделала, подумал я, ты долго скрывала свое происхождение. Даже в академии никто ничего не знал – а Айзен выкопал правду и решил, что это слишком лакомый кусочек, чтобы он ее упустил. Сокровище не бросают на землю – его охраняют и берегут, и я собирался сделать то же самое.

– Кажется, у меня есть план, Глория, – произнес я. – Разрешите мне тебя спасти.

Глава 4

Глория

Отличный план! Надежный, как швейцарские часы!

Впрочем, у меня все равно не было другого выхода.

Я собралась быстро – просто надела светлое платье и набросила на плечи шаль, которую подарила мама в старших классах школы. Виктор схватил меня за руку, и мы вышли из квартиры. Когда за нами захлопнулась дверь, то мне показалось, что упал занавес, который отделял меня от прошлой жизни.

Я выхожу замуж за Виктора.

– Тут недалеко, – сказал он. – Пара кварталов, не больше.

– Священник нам не обрадуется, – ответила я. Мы были похожи на заговорщиков; когда ночной ветер прикоснулся к моему лицу прохладными пальцами, я словно протрезвела и удивилась тому, насколько быстро приняла предложение Виктора.

Могла ли я подумать, что буду выходить замуж вот так, на бегу? У эльфов так не принято, у гномов тоже. Гномам нужно много важных словес, длительная подготовка, приглашения двоюродным дядьям и отцам брата соседа по комнате и коробки с дорогими подарками. Когда-то в детстве я думала, что у меня так и будет, но...

Не в этот раз, Глория. Не в этот раз. Ты должна спасти себя и родных, и брак со спортивным журналистом, в которого ты, кажется, влюблена – это не так страшно в сравнении с тем, что Айзен может сотворить с твоей семьей.

Семья это главное – и я готова была на все ради спасения отца и мамы, прапрадеда, братьев и сестры. Айзен не стал бы с ними церемониться, это точно.

– У меня есть деньги, они скрасят любые неудобства, – сообщил Виктор. Сейчас, ночью, он казался совсем другим – не таким, как днем. Резким, решительным, смелым – наверно, таким и должен быть спортивный журналист, но мне вдруг подумалось, что Виктор был кем-то еще, и этот кто-то сейчас выглядывал из-за его взволнованного лица и вел меня по улице в сторону храма.

– Ты уверен, что все получится? – спросила я. – Что он отстанет от замужней женщины?

Тот, кто смотрел на меня глазами Виктора, кивнул.

– Разумеется. Я поговорю с принцем Бруно, он поставит на место эту жирную сволочь.

Выйти замуж за Виктора. Немедленно, сейчас. Завтра утром он отправится к принцу, с которым, оказывается, хорошо знаком, и попросит защиты для своей жены от посягательств наглеца. Принц, конечно же, пообломает Айзену рога так, что он навсегда запомнит, что эльфийская жена для мужа-человека это роскошь не по чину.

Я ведь так и сказала ему – вернее, прокричала в тот момент, когда лупила букетом по жирному загривку:

– Жену-эльфийку захотел? На себя посмотри, человечиска! Кто ты, и кто я?

Но Айзена это даже не огорчило. Ссыпаясь по лестнице, он послал мне воздушный поцелуй и заверил:

– Я еще вернусь, дорогая Глория!

– Откуда ты знаешь принца? – спросила я. Мы уже подходили к церкви – ее каменная громада спала, вонзаясь зубами башен и башенок в ночное небо. У входа, у распахнутых дверей горела лампа, давая знак несчастным: идите сюда, вас здесь примут, вам здесь помогут.

– Он большой поклонник борьбы, – ответил Виктор, открывая ворота храма. На шум кто-то выглянул из храма, и я услышала неразборчивое ворчание. – Мы с ним познакомились, когда он проигрался со ставками, а я его выручил деньгами. Потом слово за слово, так и подружились.

– И он точно осадит Айзена?

Виктор посмотрел на меня и ободряюще улыбнулся.

– Конечно. Все будет хорошо, Глория, не волнуйся. Нам просто нужен брачный сертификат.

Сейчас, когда мы поднялись по ступенькам и вошли, храм показался мне сумрачной пещерой. Далеко впереди, у алтаря, едва горели огоньки свечей, тусклые лица святых смотрели с фресок с печальной усталостью. Послышались гулкие шаги – молодой священник вышел, позевывая и обводя рот кругом, увидел нас и спросил:

– Что случилось, дети мои?

Виктор протянул ему полновесную золотую корону и ответил:

– Мы хотим пожениться, святой отец. Сегодня, сейчас.

Монета сразу же растворила все неудовольствие священника. Указав нам на скамью и велел подождать, он пошел готовиться к церемонии. Я села рядом с Виктором, не чувствуя ни скамьи, ни собственного тела. От волнения меня начало знобить. Я не знала, что сказать и о чем думать. Да, я была влюблена – почти влюблена в хорошего человека, который закрыл меня от ножа и сразу же предложил помощь, когда она потребовалась на кухне. Но выйти замуж вот так, через несколько дней после знакомства...

Впрочем, когда-то мои родители поженились точно так же. Отец предложил маме руку и сердце, спасая ее от преследователей и врагов – она согласилась и никогда об этом не пожалела.

Может, и у меня сейчас будет так же?

– Возлюбленные чада мои... – священник вышел, держа в руках Писание, его помощник сел на лавку и принялся заполнять брачный сертификат, от старания высунув язык. – Мы собрались, чтобы священные узы брака соединили...

– Виктора Шмидта и Глорию Фьярвисдоттир, – подсказал Виктор и сжал мою руку. Я вдруг подумала, что могла бы вот так стоять с ним рядом всегда, всю жизнь.

– Записывай, Петер, – велел священник, и помощник кивнул. – Итак, это решение обдумано и продиктовано любовью?

Мы с Виктором ответили «Да». Что тут еще могло быть, кроме любви?

– Глория, согласна ли ты стать женой этого мужчины, которого видишь рядом с собой?

Я посмотрела на Виктора, и он улыбнулся той светлой спокойной улыбкой, которая мне понравилась с нашей первой встречи. Гномы, конечно, высказали бы немало недовольства по поводу того, что наша свадьба идет по сокращенной программе – но это не имело значения.

Виктор спасал меня и мою семью. Чем еще это могло быть, кроме любви?

– Согласна, – ответила я.

– Виктор? Согласен ли ты стать мужем этой женщины, которую видишь рядом с собой?

– Да, согласен, – кивнул Виктор и снова сжал мою руку.

Дальше мы пойдем вместе.

– Тогда поздравляю вас с заключением брака, – произнес священник и сонно улыбнулся. – Любите друг друга и будьте счастливы!

Виктор

Я проснулся ранним утром и сначала удивился тому, что у меня раскалывается голова. Потом я вспомнил, что сегодня снова мою посуду в «Трех кошках», а уже потом – что мы с Глорией поженились ночью.

Рецепт пирога был у меня в кармане. Еще немного – и он войдет в рукопись, а рукопись отправится к издателю, который уже планирует сверхдоходы. Тогда можно будет купить, например, дом в районе Свандринского заповедника, я давно об этом думал. Столичная толчея и суматоха постепенно начинала мне надоедать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.